

Bredenkamp, Horst. Die Fenster der Monade: Gottfried Wilhelm Leibniz' Theater der Natur und Kunst. Berlin., 2004.

Brüill, Lydia. Die Japanische Philosophie: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1989. S. 57—58.

Friedman, Ken. Fluxus and Company. In: Oliva, Bonito Achille (Hrsg.): Ubi Fluxus-ibi motus, 1990—1962: Ausstellungskatalog Venedig. Mailand, 1990.

Gravicells — Gravity and Resistance: Concept book / YCAM (Yamaguchi Center for Arts and Media). 2004.

А. М. Раскин

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРЕРВАННОЙ ПОЛЕМИКИ: О МЕТОДИКЕ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Речь идет о бурно протекавшей во второй половине 1920-х гг. и занимавшей умы не только архитекторов, но и других деятелей культуры полемике, наиболее активными участниками которой были представители АСНОВА¹ и ОСА². Предмет полемики — методика архитектурного проектирования. В ходе полемики возникла масса сложных вопросов, но ответы на них, при всей аргументированности и убедительности, представляли диаметрально противоположные точки зрения. Вопрос о том, чем является архитектура — искусством или наукой, остался открытым. Последняя попытка найти «золотую середину» предпринималась покинувшими АСНОВА участниками АРУ³.

Архитектурная жизнь тех лет, участники полемики, содержание и форма дискуссий наиболее полно и непредвзято представлены в изданной МГУ работе В. Кириллова [1974], ставшей уже библиографической редкостью. Автор не посчитал необходимым (а скорее, учитывая время, и возможным) дать собственную оценку доводам спорщиков. В то время сама полемика считалась достоянием истории и иначе не воспринималась. Архитектура была одним из способов репрезентации определенной идеологии. Этот аргумент был решающим.

Еще в начале 1930-х гг. всех участников полемики объединил Союз советских архитекторов, произошла сортировка, в ходе которой активные полемисты были объявлены «формалистами». Имена Л. Лисицкого, Н. Ладовского, Н. Докучаева, А. Рухлядева, И. Леонидова, К. Мельникова, М. Гинзбурга и многих других, значимые для мировой архитектуры не меньше, чем имена Ле Корбюзье, Вольтера Гропиуса, Миса Ван дер Роэ, на своей родине перестали звучать. Выяснение волновавших их проблем продолжили зарубежные мастера, и в уже «мирном» тоне,

¹ АСНОВА — возникшая в 1923 г. Ассоциация новых архитекторов. Ее участники — в основном преподаватели и выпускники ВХУТЕМАСа, организованного в 1920 г. на базе бывшего Строгановского училища (в Москве), а в 1926 г. переименованного во ВХУТЕИН.

² ОСА — Объединение современных архитекторов, сложившееся в 1925 г.

³ АРУ — Объединение архитекторов-урбанистов, заявившее о себе в 1928 г.

без акцентирования социальной значимости ответа на вопрос «Какой быть архитектуре?». А ведь об этом, по большому счету, спорили наши архитекторы, вошедшие в список лучших мастеров XX в. Изданные ими в 1920-е гг. монографии и статьи не переиздавались, а построенные по их проектам объекты стали для государства досадной обузой (примеры тому — судьба собственного дома Мельникова или жилого дома Наркомфина Гинзбурга). Сегодня, как это ни странно, наше архитектурное наследие 1920-х — начала 1930-х гг. больше интересует иностранцев. Факт остается фактом: ни ярких имен, ни достойных мирового признания своей новизной объектов. Строим много, большей частью «элитное», а все «с миру по нитке». Такова ныне конъюнктура, таков «рынок».

В свое время М. Гинзбург говорил, что архитектор «не должен забывать, что, работая на завтра, он все же строит сегодня» [Гинзбург, 1927, 116]. И это понятно: техническая отсталость, нищета... Сегодня иная ситуация: современные технологии, денежных покупателей квадратных метров на ближайшие годы хватит, особенно в столицах. А провинция может и подождать, ждать еще не разучились.

Но завтра ведь не за горами. Пока лишь красиво звучащая программа «экономичного и комфортного жилья» встает во весь рост, и забытая полемика может вспыхнуть с новой силой. Она не так актуальна для Запада, но для России, с ее хронической и все обостряющейся жилищной проблемой, — более чем. Уже сейчас, перефразируя М. Гинзбурга, можно сказать: архитектор не должен забывать, что, работая сегодня, он все же строит на завтра! В этом случае опыт далеких 1920-х гг. не помеха.

О чем же спорили и к чему пришли (и пришли ли)? Если оставить в стороне частности, терминологические нестыковки и эмоциональные всплески, разговор о том, что есть архитектура, обретает принципиальный характер. Причина столь затянувшейся полемики — именно в том, что еще «на берегу» об этом не договорились. Обе стороны говорили об одной архитектуре. Академическая школа иначе и не мыслила. Все ее особенности и свойства рассматривались на примерах уникального — дворцов, храмов, театров и т. п. Отрицание академизма не отменило выбор видов и жанров. Место дворцов царских заняли дворцы Советов, место храмов — клубы и т. п. Новые идеи коллективизма так или иначе замыкались на объектах повышенной общественной значимости, т. е. на объектах, представлявших один из видов искусства. С соответствующими, естественно, и критериями оценки. Речь, таким образом, шла о поисках путей художественной выразительности произведений архитектуры. На первый взгляд — а как иначе? Раз архитектура, значит искусство! Именно этому были посвящены все труды теоретиков архитектуры от Витрувия до Ле Корбюзье с его «модулером».

Тем не менее произведение искусства — всегда праздник, вне зависимости от того, какие органы чувств нам его транслируют. Но обилие праздников превращает их в будни. Праздник без них невозможен. Именно поэтому необходимо говорить не об архитектуре вообще, а о двух архитектурах — архитектуре как искусстве и архитектуре как утилитарном продукте. Звучит, возможно, несколько пугающе, оскорбительно, но за неимением других определений на время ограничимся этими.

Вопрос о том, какая функция приоритетна — духовая или утилитарная, встал во весь рост в споре «аснововцев» и «осовцев». Способы «сделать красиво» у тех и у других указывались достаточно убедительно, и занять чью-либо сторону нелегко. Вспоминается старый анекдот о Соломоне-мудром, который, выслушав доводы двух спорщиков, изрек: «Ты прав, и ты прав». И третьему — свидетелю, который воскликнул: «Значит, такое возможно!», заметил: «И ты прав». Действительно, это так, поскольку спорили о разных архитектурах. Именно об этом не договорились или не уяснили в ходе полемики. Простая истина, что красота не есть привилегия искусства, но есть показатель степени совершенства системы, осталась за кулисами.

Великий демиург — природа убедительнейшим образом подтверждает это. Ее лабораторию естественного отбора, но уже в ускоренном темпе (и со все возрастающим вниманием к ее опыту) повторяют и творцы современных «красот» — орудий труда, самолетов, кораблей, мостов и т. п. В том числе и инженеры — создатели многих архитектурных объектов. Достаточно вспомнить имена Б. Фуллера, Ф. Северуда, Э. Фрейсине, П. Нерви, нашего В. Шухова... Их произведения совершенны с инженерной точки зрения, стали архитектурной классикой XX в. Они решали утилитарные задачи, без «излишеств», а получилось красиво. Произведение искусства без «излишеств» просто перестанет быть таковым. Утилитарная польза произведения искусства нулевая. И тем не менее нужда в этом «лишнем» очевидна. Строительство театра в Сиднее обошлось казне в сумму, в три раза превышающую первоначально заложенную сметой. И все из-за «лишнего». Но на это пошли, поскольку на смену будням должен прийти праздник, что вовсе не исключает требований красоты, разнообразия, гармонии с природой и пр., предъявляемых рядовой застройке. И здесь полностью оправдывает себя методика, господствующая в профессиональном дизайне (включая и стайлинг), где роль художника либо исключается полностью, либо, выражаясь языком математики, является функцией по отношению к аргументу — утилитарным требованиям. Такой вывод позволяет рассудить и забытых спорщиков, и воздать им должное: доводы АСНОВА справедливы, но по отношению к решению уникального, где аргумент — духовное, а функция — утилитарное, доводы же ОСА — когда эти слагаемые меняются местами.

Именно поэтому вполне оправданными являются «излишества» в архитектуре павильона СССР на международной выставке в Париже (1937 г., архитектор Б. Иофан, скульптор В. Мухина), речного вокзала в московских Химках того же времени (архитектор А. Рухлядев), киевском Совмине (1938 г., архитектор И. Фомин), ленинградском Доме Советов (1940 г., архитектор Н. Троцкий), послевоенных московских высотках...

Полемика не была беспочвенной, поиск новых путей требовал определенной позиции всей архитектурной общественности. При этом в творчестве больших мастеров выбор методики диктовался как сознательным, так и интуитивным отношением проектируемого объекта к той или иной архитектуре. Достаточно сопоставить жилой комплекс на Берсеневской набережной (знаменитый Дом на набережной) и проект Дворца Советов (простим завершение) Бориса Иофана, здание

МОГЭС и жилой дом на Манежной площади Ивана Жолтовского, здание Наркомзема и гостиницу «Москва» Алексея Щусева — все в Москве. Первые примеры демонстрируют примат утилитарных функций, вторые — учет места, естественно — с «излишествами». Предпочтение в выборе методики диктовалось конкретными условиями, и уложенные на чаши весов утилитарное и духовное в зависимости от этого обретали различный вес. Большим мастерам важнее их личный опыт, рядовым нужны уроки других.

После многих лет изоляции, «привязок» типовых проектов и их «улучшенных» серий появления очевидных лидеров придется еще подождать. При всем этом масштабы строительства, при очевидных успехах в этой области, явно не отвечают потребностям, и в доступном жилье в первую очередь. Это значит, что методика, которую отстаивали члены ОСА, обретает особую актуальность. Годы, отделяющие нас от бурных двадцатых, добавили аргументов в виде и позитивного, и негативного опыта.

Для решения проблемы экономичного и комфортного массового жилища нужны не столько Щусевы и Иофаны (они необходимы при создании уникального), сколько архитектуры-программисты, способные решать комбинаторные задачи. Примером подобного решения может служить детский конструктор «Лего», позволяющий получать массу различных игрушек из определенного набора элементов, способных легко «контактировать» друг с другом. Десятки разнообразных моделей автомобилей, сходящих с конвейеров заводов Форда, «Фольсвагена» и многих других, имеют базовые для всех элементы. Их важнейшее свойство то же, что и у элементов «Лего». Стандартизация и унификация не помеха разнообразию (идеальное подтверждение тому — таблица Менделеева). За природой, естественно, не угнаться, но у нее есть чему поучиться, что стимулирует ускоренное развитие всех разделов бионики — биостатики, биомеханики и т. д. Это направление было дискредитировано крайне ограниченными возможностями периода типового проектирования (вспомним иронию фильма «С легким паром»), но это уже история.

Новый этап стандартизации не должен ограничивать объемно-планировочные решения, предполагать повторение облика архитектурных объектов вне зависимости от их видовой принадлежности, будь то индивидуальные или многоэтажные дома, медицинские учреждения или предприятия торговли. Важно в этом случае, что они не доминанты (вне зависимости от их высоты или объема). Богу Богово, а кесарю — кесарево. Для первого — архитекторы-художники, для второго — те, кого раньше называли гражданскими инженерами. И отбирали их по-разному, по-разному учили.

При таком подходе обе методики — и «аснововская», и «осовская» — окажутся справедливыми в своей основе, а слова Соломона перекочат из анекдота в реальную жизнь. Иными станут не только результаты творчества, но и критерии оценки труда архитекторов. Такого рода оценки поставят в один ряд как создателей уникального («образников»), так и творцов рядового («утилитаристов»), ибо задачи последних никак не проще задач первых (весьма возможно, и посложнее). Все будет решать профессионализм, способность к оправданным новациям.

Такой чисто профессиональный подход к неувядающей проблематике в свое время продемонстрировали лидеры АСНОВа и ОСА. Стоит напомнить, что подобная полемика — яркая страница отечественной архитектуры, не имевшая аналогий ни в Европе, ни в Штатах и, к сожалению, недописанная. Попытка урбанистов конца 1920-х гг. дописать ее была прервана и продолжения не имела. Это необходимо сделать, поскольку традиционная подготовка архитекторов явно не отвечает новым условиям и накопившимся долгам.

Буров А. К. Об архитектуре. М., 1960.

Ганн А. Конструктивизм. М., 1922.

Гинзбург М. Стиль и эпоха. М., 1924.

Кириллов В. В. Путь поиска и эксперимента. М., 1974.

Михайлов А. Группировки советской архитектуры. М.; Л., 1932.

Хазанова В. Советская архитектура первых лет Октября, 1917—1925 гг. М., 1970.

Хан-Магомедов С. О. М. Я. Гинзбург. М., 1972.

Хигер Р. Пути архитектурной мысли, 1917—1932. М., 1933.